

НА ПУТИ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМУ КОМПЛЕКСУ

Дмитрий Олегович Рогозин

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственная программа вооружения и государственный оборонный заказ являются масштабными по объему и значимости решаемых задач документами стратегического планирования, которые определяют состояние обороноспособности страны. Реализация государственной программы вооружения на 2011–2020 годы и подготовка новой перспективной госпрограммы вооружения на 2016–2025 годы поставили Военно-промышленную комиссию при Правительстве Российской Федерации и федеральные органы исполнительной власти перед необходимостью решения ряда проблем, которые должны рассматриваться комплексно и системно, вкуче с вопросами текущего государственного оборонного заказа.

Первая проблема – это отсутствие должной правовой базы, которая бы регулировала вопросы, связанные и с ценообразованием, и с ответственностью федеральных органов исполнительной власти при решении столь важных стратегических задач обеспечения обороноспособности страны.

Государственная Дума и Совет Федерации оказали правительству серьезную поддержку, которая позволила уже к началу 2012 года принять необходимые законы, подписанные президентом. Речь идет, прежде всего, о законе «О государственном оборонном заказе» и законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», которые сейчас, по сути дела, вошли в свои права. И конечно, закон «О Фонде перспективных исследований», который был подписан президентом буквально в новогоднюю ночь позапрошлого года. Принятие данного комплекса законов крайне важно, поскольку правовое регулирование этих вопросов создает основу для дальнейшего движения вперед.

К концу декабря 2013 года в правительстве был закончен выпуск всех восьми постановлений, которые создают необходимую нормативно-правовую базу для того, чтобы с 1 января 2014 года закон «О государственном оборонном заказе» заработал в полную мощь.

Вторая проблема, с которой столкнулась Военно-промышленная комиссия, – это вопрос, как нам подготовить промышленность к исполнению наиважнейших задач государственного оборонного заказа. Конечно, в идеале представляется такая последовательность действий: сначала подготовка отрасли, а потом исполнение предприятиями задач, которые прописаны в государственной программе вооружения.

Но, к сожалению, война в Южной Осетии в августе 2008 года, участие наших вооруженных сил в операции по принуждению агрессора к миру показали определенные проблемы с обеспеченностью наших вооруженных сил. Поэтому сегодня приходится одновременно решать вопросы, связанные как с перевооружением промышленности, так и с поставками в войска модернизированных образцов вооружения и военной техники.

Приведу отдельные цифры и примеры реализации федеральной целевой программы по развитию оборонно-промышленного комплекса. За последние месяцы 2013 года проведено техническое переоснащение, реконструкция части производственной, экспериментальной и технологической базы на 442 предприятиях оборонных отраслей промышленности и объектах капитального строительства.

В каком-то смысле это напоминает тяжелые времена Великой Отечественной войны, когда приходилось перебрасывать промышленные мощности на Урал, в Сибирь и там разворачивать производство. Мы реализуем часть программы вооружения на существующих производственных мощностях, на старой технологической базе, где порой используются станки, которые были ввезены еще по репарациям и контрибуциям 1945 года. Но одновременно начинают работать новые производственные площадки. Поэтому мы надеемся, что уже к 2015 году в полной мере развернем производство современных образцов вооружения на новой технологической основе.

Третья проблема, обозначившаяся при реализации государственной программы вооружения, – мобилизационные задания, которые были обременением для многих производственных предприятий и трудовых коллективов. С одной стороны, государство формально оплачивало мобилизационные мощности предприятий, при этом сумма оплаты составляла не более чем 17% от требуемых объемов. С другой стороны, предприятия лишь изображали, что они сохраняют эти мобилизационные мощности на случай чрезвычайных ситуаций.

На сегодняшний момент мы полностью переработали мобилизационный план с учетом новых рисков и угроз военной безопасности. Понятно, что времени на его развертывание, если это потребуется, будет чрезвычайно мало. Поэтому ставка сделана не на то, чтобы сохранять старые производственные мощности, старые цеха под амбарными замками, а на то, чтобы мгновенно запустить механизм резкого увеличения производительности труда на современном оборудовании и производить только те образцы продукции, которые заложены в программе вооружения.

Приведу конкретные данные. Правительством Российской Федерации за последние несколько месяцев 2013 года принято восемь постановлений, которые кодифицируют составные части мобилизационного плана и экономики Российской Федерации. Это поставки и ремонт вооружений, военной и специальной техники, продукции медицинского назначения, предоставление транспортных услуг, электроэнергии, каналов и средств связи и многое другое.

Уменьшилось количество организаций, которые задействованы в мобилизационном плане: по выпуску вооружения и военной техники – с 3,5 тыс. до 800 предприятий, медицинского имущества – с 181 до 36, ресурсного обеспечения – с 364 до 91. В этой связи более чем в шесть раз уменьшены количественные показатели мобилизационных мощностей, содержание которых по предыдущему плану финансировалось на уровне нескольких десятков процентов от заявленной потребности.

Следующий крайне важный вопрос связан с подготовкой новой программы вооружения. При оценке рисков военных угроз становится ясно, что эта программа должна быть

абсолютно отличной от нынешней. Ставка должна быть сделана не на глубокую модернизацию тех вооружений, которые сегодня способна производить наша промышленность, а на производство совершенно новых образцов вооружений, военной и специальной техники. Для этого нужны новые знания, новые решения, новые материалы, то есть программа должна быть инновационной.

Мы, по сути дела, исчерпали тот огромный научно-технический задел, который был создан нашими отцами и дедами. Решений, которые могли бы быть реализованы в металле, практически не осталось. Отсюда острая потребность в том, чтобы повысить статус генерального конструктора, который несет полную ответственность за поиск новых решений.

Одновременно потребовалось создать диалог между генеральным конструктором и Российской академией наук. Не секрет, что изыскания многих академических институтов не были востребованы. В итоге Академия наук работала вхолостую, сама на себя, а генеральный конструктор, который и должен был стать главным заказчиком фундаментальных разработок, оказался лишен диалога с ней.

Мы предлагаем полностью пересмотреть данную ситуацию. Подготовлен доклад Президенту Российской Федерации о повышении статуса генерального конструктора. Сегодня мы нуждаемся в генеральных конструкторах уровня С.П. Королёва, а не только в организаторах научных работ по конкретному образцу вооружений и военной техники. Генеральным конструктором должен быть человек системно мыслящий, интегратор, способный даже создать новую отрасль в оборонной промышленности. Поэтому статус этой должности будет повышен, а назначения генерального конструктора должны идти не только от Военно-промышленной комиссии, но и, наверное, от главы государства, от Правительства Российской Федерации.

Следующий момент касается Академии наук. Для нас важно, чтобы все академические институты понимали реальные потребности оборонной промышленности, военной науки, чтобы между прикладной и фундаментальной наукой не было никакого разрыва, и эта задача нами сейчас решается.

10 октября 2013 года в Академии наук мы провели встречу генеральных конструкторов и руководителей ведущих академических институтов Российской академии наук – диалог у нас установлен.

Серьезную роль в этом вопросе играет и Фонд перспективных исследований. В настоящее время принят закон «О Фонде перспективных исследований». С одной стороны, уже сейчас хотелось бы получить результаты работы этого фонда. С другой стороны, мы говорим о создании организации, способной, в свою очередь, организовать работу по высокорискованным исследованиям, которые не способна проводить традиционная наука. Такого рода исследования требуют создания коллективов в виде лабораторий, работающих в поточковых аудиториях, в том числе в высших учебных заведениях.

Перед Фондом перспективных исследований должны быть поставлены такие задачи, решение которых станет прорывом в развитии науки. На сегодняшний момент Фонд перспективных исследований рассмотрел более 1 тыс. научно-технических проектов и предложений. В перечень проектов фонда включены 52 перспективных и 8 первоочередных проектов.

Условно проекты фонда можно разделить на четыре направления, подробная информация о которых является секретной. Один из таких крупных проектов – это подготовка военно- и научно-технического ответа на концепцию глобального молниеносного удара, который является сегодня главной стратегией, вынашиваемой США. Мы не можем себе позволить оказаться в другом научно-техническом укладе в военном деле, когда активнейшим образом развиваются высокоточные средства, гиперзвуковые технологии, новые материалы, прежде всего композитные материалы, способные выдерживать огромную нагрузку, сопротивление при преодолении гиперзвуковых скоростей и многое другое.

Совершенно очевидно, что одной из самых важных проблем, с которой мы столкнулись, является ситуация в радиоэлектронной промышленности. А что такое радиоэлектронная промышленность? 95% компонентов современного космического аппарата, спутника – это электронная компонентная база (ЭКБ). Если мы сегодня делаем не герметичные спутники,

а открытые, которые подвергаются воздействию мощной агрессивной космической среды и полностью зависимы от импорта всей компонентной базы, то, по сути дела, находимся под полным контролем тех, кто имеет возможность производить эту элементно-компонентную базу. Тем более что речь идет об ЭКБ класса Space, способной выдерживать большие нагрузки.

Здесь надо двигаться в двух направлениях. Первое – это наращивание собственных производственных возможностей для создания такого рода электронно-компонентной базы. Второе – необходимость преодоления гигантского разброса типов номиналов ЭКБ. Сегодня каждое конструкторское бюро-проектант придумывает для себя собственный набор потребляемой компонентной базы, и получается, что на один спутник уходит примерно 6–7 тыс. типов ЭКБ.

Надо проводить единую горизонтальную техническую политику, налаживать диалог между генеральными конструкторами, которые сегодня назначены Военно-промышленной комиссией. За счет сокращения типов номиналов мы определим фронт работы для нашей промышленности, которая будет способна произвести эту электронную базу на собственной элементной системе непосредственно в Российской Федерации. В противном случае мы просто сядем на очередную иглу, попадем в зависимость от иностранных производителей, чего никак нельзя себе позволить в вопросах стратегической безопасности. Поэтому одно из направлений работы Фонда перспективных исследований – это (в том числе) создание новых решений в рамках современного научно-технического уклада.

Сегодня ведущие зарубежные страны реализуют концепцию технологической войны, смысл которой состоит в том, чтобы увидеть противника раньше, чем противник увидит тебя, и иметь «длинную руку» для его поражения – так мощный длиннорукий боксер не подпускает к себе другого боксера, не имеющего такого рода физических возможностей.

Пример тому – война в Югославии в 1999 году, когда как дротиками расстреливали Вооруженные Силы Югославии, не самые слабые в Европе. Но, не имея возможности парировать удары высокоточным оружием, этой самой «длинной руки», эти вооруженные силы оказались бесполезны для защиты национальной территории.

Поэтому сегодня мы закладываем в новую программу вооружения создание роботизированных машин, автоматизированных систем управления, техники, позволяющей одному солдату – а их у нас не много: всего лишь 1 млн на такую огромную территорию – иметь возможность воевать против пятерых.

Понятно, что оружие не может быть универсальным, поскольку сценарии гипотетических конфликтов предполагают войну с более сильным противником, с противником, равным по силе, и с более слабым противником, которым может быть не только государство, но и, скажем, международная террористическая группировка. Поэтому видение всех потенциальных угроз должны заложить в новую программу вооружения. Эта работа проводится по следующим направлениям:

- первое – это автоматизированная система управления вооруженных сил, автоматизированная система управления полем боя, визуализация поля боя, робототехника;
- второе – сокращение типажа образцов вооружения, военной и специальной техники. Промышленность не сможет себе позволить выпускать по пять самолетов каждого типа, это невыгодно, и сегодня у нас полное взаимопонимание с Министерством обороны Российской Федерации на этот счет;
- третье – модульность;
- четвертое – межрядовая унификация и создание межсредних аппаратов. Ну и, наконец, мы переходим к контрактам полного жизненного цикла, когда промышленность и государственный заказчик (например, Министерство обороны Российской Федерации) выступают как постоянные партнеры.

На первом этапе зарождения конкретного образца вооружения определяется его облик, эскиз. И этот облик формируется заказчиком не абстрактно, а в контакте с генеральным конструктором, который должен понимать, существуют ли технологии для того, чтобы реализовать данное решение, а если не существуют, то как можно быстро их нарастить;

существует ли доступ к ресурсам, например редкоземельным металлам, которые необходимы для реализации данной задачи.

Следующий этап – это проведение научно-исследовательской работы, создание опытного образца техники, внедрение его в серийное производство. Далее – сопровождение уже переданного в вооруженные силы через серийное производство образца вооружения, присутствие на учениях, ремонт и сервисное обслуживание, вплоть до утилизации. То есть контракт полного жизненного цикла предполагает диалог между наукой, промышленностью и эксплуатантом в лице Министерства обороны РФ на всех стадиях существования конкретного образца вооружения. Это крайне важный новый момент, который мы сегодня реализуем. В настоящее время мы уже перешли к этим образцам вооружения, которые теперь выпускаются в рамках контрактов полного жизненного цикла.

Результатом нашей работы являются следующие показатели. По предварительным итогам 2013 года по линии Министерства обороны РФ заключено 99% государственных контрактов от всего годового объема гособоронзаказа. Росатомом заключено 100% государственных контрактов, органами правоохранения и безопасности (это МВД, ФСБ, ФСО, СВР, ФСИН и ФСКН России) – 99,4%. Для обеспечения государственного материального резерва заключено и оплачено контрактов на 100% от доведенных бюджетных ассигнований.

В целом за последний период мы сумели создать ряд новых структур, следящих за законностью в части исполнения оборонного заказа, и организовать работу тех, которые уже занимались данным вопросом. Это прежде всего перешедшая в прямое ведение Правительства РФ Федеральная служба по оборонному заказу, Счетная палата РФ, с которой мы находимся в постоянном прямом контакте, проверяя с ее помощью те предприятия или отдельные программы, которые вызывают у нас определенные сомнения. В Администрации Президента РФ создана группа, которая контролирует исполнение оборонного заказа. В Генеральной прокуратуре по решению Президента РФ образовано специальное управление, которое рассматривает вопросы законности при исполнении оборонного заказа.

Важным моментом в совершенствовании контроля стало завершение первого этапа тестирования новой государственной автоматизированной системы государственного оборонного заказа. Эта система позволяет отслеживать прохождение всех контрактов с первого по четвертый уровень. С ее помощью можно будет точно определять, где деньги застряли, почему они не реализованы, синхронизированы ли программы подготовки промышленности и самого исполнения оборонного заказа.

Один из ключевых вопросов возрождения оборонно-промышленного комплекса – консолидация промышленности по профилю работы под новые задачи. Но если, скажем, министр обороны ставит задачу создания автоматизированной системы управления вооруженных сил, то промышленность и военная наука должны быть готовы к тому, чтобы представить план реализации.

Наиважнейший вопрос при этом составляет создание единой технической политики. У нас сегодня 9 предприятий ракетно-космической промышленности делают спутники, причем никакого диалога между ними нет. Совершенно очевидно, что такая потребность назрела, и в результате в 2013 году была создана Объединенная ракетно-космическая корпорация (ОРКК). Мы надеемся, что консолидация отрасли поможет нам решить те проблемы, с которыми мы столкнулись в последние годы, связанные с чередой резонансных аварий. Это нетерпимая ситуация для наследников Королёва и Гагарина.

Перед ОРКК и Госкорпорацией «Ростех» поставлена также задача по развитию отечественного станкостроения. Использование в оборонной промышленности иностранного станочного оборудования может привести к тому, что мы еще долгие десятилетия будем зависеть от иностранных производителей в сфере сервисного обслуживания, ремонта, не понимая, куда уходит информация из «головы» этих станков и кто имеет полное представление, что мы производим. У нас уже были случаи отключения станков через космические аппараты со стороны США.

В рамках решения этой проблемы планируется создать единые центры закупки станочного оборудования. Задача, стоящая перед этими центрами, – выбрать несколько стратегических партнеров станкостроительных компаний ведущих стран-производителей через

так называемые офсетные соглашения, локализовать производство этих станков по номенклатуре, наиболее востребованной нами на территории Российской Федерации. А что касается «мозгов», то есть систем ЧПУ, то их необходимо делать исключительно самостоятельно, и такие задачи поставлены.

Вторая крупная интегрированная структура, которая создана в 2013 году, – это концерн «Калашников». Еще недавно производство стрелкового оружия и боеприпасов, спецхимии находилось в самом сложном, депрессивном положении, все предприятия были банкротами.

На сегодняшний день мы консолидировали «Ижмаш», «Ижмех» в рамках единого концерна, очищаем его от всех долгов, он приобретает новые заказы. Это новая интегрированная структура, которой присвоено имя, составляющее нашу национальную гордость, – Калашников.

Сейчас будем возрождать традицию использования таких имен. Вот, например, мы называем самолет МС-21. Что такое МС-21? Это Яковлев-242. Так и будет он называться Як-242, а не МС-21 (магистральный самолет XXI века). Мы должны гордиться теми национальными марками, которые были созданы нашими отцами, и их возрождать.

В 2014 году мы планируем при поддержке Президента РФ создать интегрированную структуру в области воздушно-космической обороны, связав воедино производство систем предупреждения ракет о нападении космического эшелона. По этому направлению работает институт имени академика А.И. Берга, корпорация «Комета» и частная компания «РТИ Системы», которая производит наземные эшелоны для станций высокой заводской готовности. Мы сейчас полностью закольцевали Россию, теперь видим всё, что вокруг нее происходит. И далее мы будем двигаться по пути интеграции структур, которые работают в сфере АСУ связи и разведки и систем производства радиоэлектронной базы.

Соединенные Штаты сегодня размещают на стратегических носителях высокоточное оружие (ВТО). Это означает, ВТО действительно перешло от стадии оперативного назначения в стадию стратегического. Что касается развития высокоточного оружия в качестве дополнения наших стратегических ядерных сил, самое главное, что необходимо в этой части создать, – это замкнуть в одно логическое кольцо систему предупреждения о ракетном нападении, которая должна приобрести способность видеть не только старт баллистической ракеты противника, но и активизацию военной деятельности и приближение к нашим национальным границам носителей высокоточного оружия, так как оно, как правило, воздушного базирования.

Под средствами ВКО, то есть воздушно-космической обороны, я имею в виду огневые системы С-300, С-400, С-500, перспективные и иные средства ближнего боя, такие, например, как «Панцирь-С», великолепная система, созданная выдающимся российским ученым и конструктором Аркадием Георгиевичем Шипуновым. У конструкторского бюро машиностроения (КБП), входящего в холдинг Ростеха «Высокоточные комплексы», которое более 44 лет возглавлял Шипунов, есть огромный потенциал на будущее, в том числе в рамках средств ПВО и ПРО.

Можно сколько угодно экспериментировать, размещая неядерное оружие на стратегических носителях, но надо иметь в виду, что если на нас будет совершено нападение, то в соответствии с доктриной, которая принята Российской Федерацией, мы в определенных ситуациях будем прибегать и к защите нашей территории, наших высших государственных интересов с помощью ядерного оружия, и противник, любой агрессор или группа агрессоров должны это осознавать. Это является главным фактором сдерживания провокаций и агрессии против Российской Федерации.

Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, что мы никогда не приуменьшали роль ядерного оружия, оружия возмездия как великого уравнителя шансов.

Коснусь перспектив дальнейшего развития системы ГЛОНАСС. ГЛОНАСС – это великое дело для нашей страны, потому что обладание навигационной системой – это обладание высокоточным оружием. Прямой признак того, что государство является сверхдержавой, и только некоторые государства или группы государств, такие как Европейский союз, могут себе это позволить.

На сегодняшний момент орбитальная группировка насчитывает 24 спутника «Глонасс-М» плюс 4 спутника, 3 из которых «Глонасс-М» (это орбитальный резерв) и 1 «Глонасс-К»

(находится в тестировании, это перспективный спутник). Есть и наземный задел, готовый к пуску в случае, если будет нарушена целостность этой группировки.

Но мы до сих пор, извлекая из системы ГЛОНАСС все необходимые прибыли в оборонном смысле, не научились пользоваться ею в гражданском смысле. Это дурная традиция еще из советских времен, когда мы создавали прорывные технологии в оборонке и не умели через конверсию, трансфер технологий применять их в гражданской промышленности. Сейчас мы стараемся эту дурную традицию прервать, подготовив регионы к включению в программы гражданского применения системы ГЛОНАСС. Это, прежде всего, «ЭРА-ГЛОНАСС» – программа, которая, мы надеемся, сэкономит сотни жизней людей, потому что даст возможность всем спасательным службам немедленно выезжать на место совершения аварии. Далее на подходе программа оснащения модулями ГЛОНАСС большегрузных машин, от 12 т и выше, что крайне важно для поддержания безопасности транспортных магистралей. Не менее важно развитие крупных транспортных коридоров. Коридоры Север – Юг и Восток – Запад мы тоже будем оснащать приемными устройствами системы ГЛОНАСС. Для нас это реальная возможность окупить огромные расходы, которые мы уже осуществили для развития и поддержания орбитальной группировки.

Здесь есть еще один аспект, на который мы обратили внимание. Сегодня, к сожалению, в Российской Федерации практически нет производства модулей принимающих устройств системы ГЛОНАСС. Поэтому в 2014 году мы сделаем акцент на воссоздании этого производства на территории России.

Что касается дальнейшего развития космических программ в целом, в этом направлении одной из важнейших является ФЦП «Развитие российских космодромов на 2006–2015 годы», в частности осуществляемое в рамках данной программы строительство космодрома Восточный. Для нас космодром Восточный – это единственная гарантированная возможность беспрепятственного доступа Российской Федерации в космическое пространство и решение всех гражданских и оборонных задач, поэтому здесь никаких срывов быть не может.

Что касается новой ракеты «Ангара». Ее тестовые запуски должны быть произведены в 2014 году: легкой «Ангары» – в мае 2014 года, «тяжелой» – в ноябре. Это модульная ракета, новое техническое решение, но ее полезная нагрузка составляет всего 60–70 т. Нам надо выходить на 120–140 т для решения перспективных задач.

Эта задача станет одной из ближайших в дальнейшей деятельности «ЦСКБ-Прогресс». Запуски полезных грузов на «Протонах», в перспективе на «Союзах», которые производятся в Самаре в «ЦСКБ» Прогресс, – это замечательные достижения, но нам нужно всякий раз задавать себе вопросы: для чего мы это делаем? для чего нам на сегодняшний момент нужна пилотируемая космонавтика? какие задачи мы ставим перед космонавтами? могут ли они решать в том числе оборонные задачи, если находятся в рамках единого модуля, пилотируемого с иностранцами? Это хорошие вопросы, которые Федеральное космическое агентство должно поставить перед собой и дать на них ответ.

Совершенно очевидно, что МКС существует столько, сколько времени на ее существование решили дать все участники этой программы. Но мы должны думать об амбициозных космических проектах. Мы не довольствуемся статусом страны, которая выступает в качестве космического извозчика, это неблагодарная задача, которая приносит деньги, но не решает вопросы развития новых космических технологий. Мы надеемся, что перспективные задачи будут наконец сформулированы новым руководителем Роскосмоса Олегом Николаевичем Остапенко.

Это может быть создание постоянно действующей научной базы на Луне как естественном спутнике Земли, попытка научиться работать в малой гравитации. Это могут быть задачи, связанные с борьбой с астероидной опасностью, о чем сейчас всё больше и больше начинают говорить. Может быть, такой угрозы не существует в реальности в данный момент, но если мы узнаем о том, что через 30 лет Земля может столкнуться с небесным телом, то хватит ли нам этих 30 лет, чтобы создать парирующую технологию, или нет? Последний пример падения метеорита под Челябинском показал, что сегодня специалисты в космонавтике должны задуматься о том, чтобы выйти через международные программы на защи-

ту планеты от такого рода опасности. Существуют и другие задачи, поэтому у «ЦСКБ-Прогресс» есть понимание собственного развития.

Обобщая вышесказанное, хочу подчеркнуть, что Военно-промышленная комиссия при Правительстве Российской Федерации глубоко вовлечена в огромную по масштабу работу. Нам нужна поддержка со стороны общества, общественных организаций, ведущих политических сил.

Почему? Потому что главное в оборонке – это не станки, главное в оборонке – это люди. У нас сегодня, например, дефицит сварщиков на предприятиях ОПК. Сварщиков днем с огнем не можем найти. Специалистов ведущих инженерных профессий готовим в больших объемах, но всё равно у нас провал. Есть так называемые великие старики, которым за 60, и молодежь, а специалистов среднего возраста катастрофически не хватает.

Нам надо кардинально изменить подходы к тому, что касается конкурса в технические вузы. Надо создать иную репутацию, высокое сознание собственного достоинства у тех людей, которые работают над новым уникальным продуктом, способным обеспечить обороноспособность страны; необходимо поднять статус генерального конструктора, инженера, технолога, высококвалифицированного рабочего, в целом престиж технических профессий. Сейчас нам крайне важно создать в обществе атмосферу доверия к тому, что делает сегодня оборонно-промышленный комплекс.

У нас есть поручение Президента и Председателя Правительства РФ, и я обещаю, что 9 мая 2015 года на Красную площадь мы выведем совершенно новые образцы вооружения и военной техники – унифицированные платформы «Армата», «Бумеранг», «Курганец». И я надеюсь, у нас будет основание гордиться возрождаемой оборонной промышленностью, военной наукой и нашими вооруженными силами, перед которыми стоят глобальные задачи защиты страны в новых условиях развития концепции технологической войны против нас.